

Жизнерадостный спектакль

В ПРЕДИСЛОВИИ к изданию произведений Вильяма Шекспира, написанном в 1725 году, содержались следующие примечательные слова: «Он обращался к народу». Автор, далекий от того широкого и глубокого понимания, какое мыкладываем в эти слова сегодня, объективно выразил самое важное, самое существенное в творчестве гениального драматурга.

Рожденный эпохой Ренессанса, эпохой, освободившей человечество от тяжелых пут средневекового мракобесия, Шекспир был поистине народным певцом. И поныне он восхищает зрителя необыкновенной остротой мысли, страстью чувств, чудеснейшим даром отображения самых различных явлений жизни, самых сокровенных движений человеческого сердца. Даже под покровом бездумного с виду веселья Шекспир часто затрагивал большие общественные проблемы, разоблачал проявления всяческого лицемерия, ратовал за истинное понимание чувства долга и чести. Проникновенная любовь к человеку, отличающая все его произведения, заставляет часто и современного нашего зрителя принимать душевые переживания шекспировских герояев, как свои собственные.

Многое написано о нем. Но из всех близких нам по времени высказываний хочется отдать предпочтение исключительным по своей выразительности и законченности строкам Ромэн Роллана. «Если прислушаться к великой живой музыке Шекспира, — писал автор «Жана Кристофа», — то с удивлением начинаешь узнавать в этом ревущем потоке голоса нашего времени, мысли, которые кажутся прямым выра-

жением наших теперешних суждений об угнетающих нас событиях. О войне и мире, о методах политики XVI и XX веков, о хитрости и честолюбии государств, о корысти, которая скрыто эксплуатирует самые благородные инстинкты героизма, самопожертвования, о кощунственном смешении человеческих страстей и евангельских слов, об участии церкви и богов в истреблении народов, о торжественных договорах, оказывающихся лишь «ключами бумаги», о свойствах воюющих наций и армий...».

За это созвучие голосов и мыслей, за жизнеутверждающий гуманизм, за «улыбку высокого разума, властвующего над жизнью и ее мечтой» Шекспир — всегда желанный гость на сцене советских театров. «Отелло», «Гамлет», «Король Лир», «Ромео и Джульетта», «Много шуму из ничего», «Укрощение строптивой», «Как вам это понравится» и ряд других пьес не сходят с репертуара столичных театров. Комедия «Двенадцатая ночь» за последние двадцать лет показывалась москвичам МХАТ-П., Малым театром, школой-студией МХАТ, а сейчас идет в Московском драматическом театре.

Этой пьесе более 350 лет! Впервые она увидела театральные подмостки в Лондоне 6 января 1601 года на двенадцатый день после религиозно-

го праздника Рождества (отсюда и пошло ее название). Верно, в ней нет острых коллизий, она не повествует о грозных столкновениях народов, напрасно было бы искать в ней и большие общественные проблемы. Это комедия-шутка, веселая, покоряющая своей молодостью и весеннею свежестью. Несмотря на всю условность пьесы и ее героев, в «Двенадцатой ночи» — то же дыхание жизни, что и в других произведениях великого художника-реалиста. А смешливая непринужденность языка, насыщенного народными оборотами речи, пословицами, поговорками, отрывками из народных песен, сообщает ей ту сочность, которая всегда радует театр и зрителя.

Коллектив Московского драматического театра, режиссер-постановщик В. Бортко любовно подошли к пьесе и правильно прочли ее как веселую историю о победе любви и посрамлении тщеславия. В результате создан жизнерадостный спектакль, свидетельствующий о больших творческих возможностях коллектива и молодого режиссера.

Спектакль в общем ровен по исполнению. Эмоционально, с подкупающей искренностью (особенно в первой сцене объяснения с Оливии) ведет роль Виолы артистка Л. Богданова. Простодушная, вполне земная, хотя и в высокой степени поэтична любовь Виолы — Л. Богдановой много выигрывает рядом с риторической страстью Орсино, роль которого исполняет артист М. Постников. Кто виноват в том, что образы Орсино и Оливии (артистка З. Кузнецова) оказались лишенными той естественной жизни на сцене, какая отличает многих других исполнителей? Пожалуй,

больше всего виноват в этом режиссер, не сумевший избежать в данном случае позы и ходульности.

Роль шута в «Двенадцатой ночи», как и в других пьесах Шекспира, — одна из благодарнейших. Вместе с тем, эта роль и одна из сложнейших: ведь под маской шута автор скрывал над своей госпожой, смеется над скрупулеми дворянчика Эндрю Эгчика, издевается над тщеславием Мальволио, по пути не щадит и других и лишь в служанке — веселой наемнице Марии (артистка В. Енютина) находит достойного себе соперника. К сожалению, чувство такта порой изменяет актеру, и он проругает рисунок роли, делает его грубым, аляповатым. В эти минуты не хочется верить в находчивость и острый ум Феста.

Больше трудна роль Мальволио. Ведь вокруг него происходит добрая половина всех событий. Попавшим до нас сведениям, шекспировский театр выделял на эту роль лучших своих комических актеров — только бы злее высмеять самовлюбленного пуританина. Советский театр знал в одежде Мальволио таких блестящих исполнителей, как Чехов и Азарин. Московский драматический театр «пробует» в этой роли трех актеров. Пожалуй, наиболее интересен здесь Н. Иванов. Общий рисунок намечен им правильно, но ему не хватает сочности, у актера чувствуется излишнее старание быть до-

го зрителя принимать их и даже прощать неудачи Феста в словесных поединках. На сцене Малого театра москвичи видели великолепного шута. Но то был шут-аристократ. Фест в исполнении артиста А. Ширшова более демократичен. Он иронизирует над своей госпожой, смеется над скрупулеми дворянчика Эндрю Эгчика, издевается над тщеславием Мальволио, по пути не щадит и других и лишь в служанке — веселой наемнице Марии (артистка В. Енютина) находит достойного себе соперника. К сожалению, чувство такта порой изменяет актеру, и он проругает рисунок роли, делает его грубым, аляповатым. В эти минуты не хочется верить в находчивость и острый ум Феста.

Еще более трудна роль Мальволио. Ведь вокруг него происходит добрая половина всех событий. Попавшим до нас сведениям, шекспировский театр выделял на эту роль лучших своих комических актеров — только бы злее высмеять самовлюбленного пуританина. Советский театр знал в одежде Мальволио таких блестящих исполнителей, как Чехов и Азарин. Московский драматический театр «пробует» в этой роли трех актеров. Пожалуй, наиболее интересен здесь Н. Иванов. Общий рисунок намечен им правильно, но ему не хватает сочности, у актера чувствуется излишнее старание быть до-

брородственным и недостает той естественности жизни на сцене, которая приходит к актеру, когда он органично сживается с образом своего героя.

Несомненная удача театра — образы Тоби Белча (артист Г. Всеволодов) и Эндрю Эгчика (артист Л. Платонов). Они убедительны, полнокровны и при всей карикатурности Эндрю Эгчика естественны. Правда, Г. Всеволодов разрушает издавна сложившееся представление о дяде Оливии, как добродушном, жизнерадостном толстяке, но это обстоятельство нисколько не смущает зрителя. Он принимает Тоби Белча и в новом обличье — обличье высокого, худого эпикурейца, дни и ночи проникающего за чаркой вина, любящего веселую шутку и... не стесняющегося запустить свою руку в кармана приятеля.

Надо отдать должное художнику спектакля С. Шевалдышевой. Она со вкусом использовала буквально каждый метр более чем скромной сценической площадки театра. И даже сцена во дворце у герцога сделана с чувством меры, без претенциозных погон на роскошь.

Обращение к классическому наследию и на этот раз оказалось удачным. Если театр не снижает требовательности к спектаклю и не успокаивается в своих поисках более совершенного выражения идей и образов пьесы, «Двенадцатая ночь» долго и успешно будет жить в его репертуаре.

П. Иванов.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Двенадцатая ночь, или что угодно» В. Шекспира. Виола — артистка Л. БОГДАНОВА, Орсино — артист М. ПОСТНИКОВ.

Фото Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА.

Вечерний Москва
24 VI 53